

83.3 (ЗРДС-РУД) 1
9, 82 - 5.9

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

83.3(296с-РНД) 1
9-32

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Академия наук СССР — Государственный музей
Л. Н. ТОЛСТОГО

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

СТАТЬИ
ДОКУМЕНТЫ

Составители:

С. А. ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА
Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР
Е. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Под редакцией
И. И. МИНЦА
С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

1956

Огиз • Госполитиздат • 1942
1967

Пр. в. 1942

МУ Тульская
библиотечная
система

Л. Н. ТОЛСТОЙ

От составителей

Настоящий сборник ставит своей целью познакомить широкого читателя с историей Ясной Поляны — крупнейшего культурного памятника народов Советского Союза. Статьи сборника последовательно рассказывают, что такое Ясная Поляна, чем она была для Толстого, как она отразилась в его творчестве, как заботилось о ней и охраняло ее советское правительство с первых дней своего существования и как беспощадно разгромили ее фашисты.

Близкое знакомство читателя с историей Ясной Поляны возбудит еще большую жажду мщения, гнев, ненависть против гитлеровских варваров, посягнувших на этот драгоценный памятник, любовно охраняемый всем советским народом.

ИЗ НОТЫ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ТОВ. В. М. МОЛОТОВА

*о повсеместных грабежах, разорении населения
и чудовищных зверствах германских властей
на захваченных ими советских территориях*

...В злобном преследовании русской культуры немецкие захватчики показали всю мерзость и вандализм германского фашизма. В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры, очищенный от оккупантов частями Красной Армии 14 декабря, нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц, в ответ на просьбу сотрудников музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».

Москва, 6 января 1942 г.

Член-корреспондент Академии наук СССР
И. И. МИНЦ

ФАШИСТСКИЕ ВАНДАЛЫ-ГРОМИЛЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Опубликованные в ноте Народного Комиссара Иностранных Дел Вячеслава Михайловича Молотова от 6 января 1942 г. материалы о фашистских зверствах вызвали возмущение всего культурного человечества против озверелых немецких оккупантов. Все, в ком бьется свободолюбивое сердце, кому дороги достижения человечества, требуют привлечь банду гитлеровских преступников к самому суровому и беспощадному суду.

Трепеща перед грядущим возмездием, гитлеровцы пытаются «опровергнуть» обвинение в совершенных ими преступлениях. Покрытый с головы до пят кровью и мозгом раздавленных им народов, людоед Гитлер, как трусливый волк, которому крепкий капкан прищемил хвост, мечется из стороны в сторону. Презренный палач народов то визгливо кричит, что он ведать не ведает и знать не знает про ужасы, чинимые его армией мародеров, то, прикидываясь простачком, умильно уверяет, что фашистам приписывают чужие преступления.

Напрасный труд! Ни увертки, ни наглая ложь, ни новые преступления не помогут скрыть или замести следы чудовищных злодеяний.

Трудно подыскать слова, которые могли бы в какой-нибудь степени передать всю омерзительность фашистского террора. Пораженные неслыханными насилиями гитлеровцев, очевидцы, описывающие ужасы, принесенные немцами, говорят иногда: «Воистину это бессмысленный террор».

Отнюдь нет! Фашистские зверства — это *продуманный, систематический, организованный* террор. Гитлеровские бандиты не только отбирают продовольствие, не только стаскивают одежду с населения. Эта черта — поживиться за

чужой счет—давным-давно отмечалась как одно из свойств многих немцев. Великий русский сатирик Салтыков-Щедрин писал в свое время:

«Немец не пропустит случая попользоваться чем-нибудь даром. Мне кажется даже, что если бы немцу сказали, что в таком-то месте будут его бить *даром*, то он и тут не отказал бы себе в даровом удовольствии...»

Это свойство немцев гитлеровцы превратили во всеобщую характерную черту всей немецкой армии. Гитлеровские мародеры уничтожают все живое. Они обрушились на мирное население, уничтожая не только тех, кто может выступить против них, но и детей, женщин, стариков. Гитлеровские мерзавцы превзошли своих учителей — генералов и политиков Вильгельма II.

В одном из приказов, захваченных героической Красной Армией, гитлеровский полковник Шитнig цинично и откровенно перечисляет, что должен забирать немецкий солдат у населения. Опытный погромщик и «сих дел мастер» приказывает солдатам:

«В целях улучшения условий зимнего расположения, разрешаю брать из разрушенных селений все: продукты питания, картофель, пшено, лук, огурцы, пряности, керосин, стекло, гвозди, сковородки, горшки, лампы, стулья, ведра, мешки, веревки, оборудование для конюшен».

Отныне имя немецкого полковника Шитнига должно стать таким же нарицательным для всех германских фашистов, как прозвище людоед, данное Гитлеру.

Но гитлеровский полковник-грабитель действовал не один и не по своей инициативе.

Преступления фашистов отнюдь не являются случайными эксцессами отдельных солдат и офицеров или недисциплинированных воинских частей. Все эти зверства совершаются по приказам и планам, заранее разработанным германским правительством и его военным командованием. В руки советских войск попал секретный документ Геринга: «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях (Зеленая папка)» от июня 1941 года. В этих «директивах» с поразительной откровенностью разработан чудовищный план ограбления советского народа, превращения его в раба германских фашистов и систематического уничтожения его лучших представителей. Со времени Чингис-хана не было в истории человечества такого неслыханного варварства. Завое-

ванные города и села отдаются на поток и разграбление фашистской солдатне. В одном из разделов геринговского документа приказывается: «Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов для удовлетворения потребности войск...» (Из раздела «Снабжение войск из ресурсов страны», глава I, параграф 2.)

Вслед за Герингом фашистские генералы в официальных приказах открыто поощряют мародерство. Регулярным частям предоставляются специальные вагоны для того, чтобы солдаты могли отправить награбленное в тыл.

Как средневековые варвары, немецкие фашисты расстреливают не отдельных людей, а уничтожают целые села. Гитлеровцы грабят не отдельные предметы потребления, а подчистую обирают население. Пьяные, разнужденные бандиты насилуют женщин, а потом зверски убивают свои жертвы. Этим всеобщим разорением гитлеровцы полностью воспроизводят средневековых варваров. Но только этим чудовищным грабежом и насилием. Во всем остальном они превзошли варваров, ибо средневековые завоеватели несли с собой смерть и запустение, но они не посягали на душу народа. Они часто оставляли в живых искусственных ремесленников. А гитлеровские грабители пытаются растоптать душу народа, искоренить его национальную культуру, уничтожить его национальное самосознание.

Эта иссушающая душу народа, зловещая истребительная политика гитлеровцев проявила особенно ярко в Ясной Поляне. И тут, как и везде, немцы прежде всего ограбили население. Немецкие офицеры, ворвавшись в музей-усадьбу Толстого, прежде всего кинулись ловить кур. Одна из научных сотрудниц музея-усадьбы рассказывает об этой охоте фашистских офицеров:

«В этот же вечер началась погоня за курами. В первый момент я даже не могла понять, что они от нас требуют, потому что плохо знаю немецкий язык. Я обратилась к одному из офицеров на французском языке, и он на французском же языке объяснил мне, что им нужны куры».

Другая сотрудница музея образно нарисовала картину поведения фашистских носителей «культуры»:

«К нам в квартиру притащили одиннадцать зарезанных кур и жестами предложили нам начать их щипать. Я ска-

зала, что не понимаю. Тогда один из немцев взял меня за голову и с такой силой пригнул меня к мешку с курами, что я сразу поняла, что мне нужно делать. Пришлось щипать кур. Как же не щипать, если они чуть мне голову не оторвали?»

Таким сравнительно безобидным «развлечением» немецкие фашисты занимались походя, мимоходом. Дальше повторилась обычная для немецких фашистов расправа.

Как и везде, фашисты раздевали колхозников, снимали с прохожих валенки, оставляя владельцев на снегу без обуви.

Фашистские солдаты грабили население; врывались в дома, отбирали продовольствие, выгоняли на мороз семьи колхозников и поджигали их дома, особенно расположенные недалеко от шоссе. Фашисты повесили первых попавшихся колхозников только за то, что кто-то где-то пытался повредить немецкую машину. Колхозник Николай Иванович Власов был повешен на перекладине перед окнами своей избы. Мать и жена его в течение нескольких дней могли видеть из окон дома или с крыльца висевший труп сына и мужа.

Все это было, как и везде. Но дальше началось гнусное издевательство над самым дорогим для народов Советского Союза, над памятником великого писателя Льва Николаевича Толстого. Имея возможность разместить своих раненых в прекрасной больнице, гитлеровцы очистили два дома в усадьбе Толстого и расположили госпиталь в доме, где жил и творил великий писатель. В сводчатой комнате, расположенной внизу, в комнате, известной всему культурному миру, ибо в ней Толстой писал «Войну и мир», фашисты передломали мебель и устроили буквально хлев: набросали соломы, поставили кровати, заполнили бутылками из-под вина, изгадили пол. В спальне Толстого фашистские варвары устроили казино, где непрерывно шел пьяный кутеж. Организаторы кабака потребовали от научных сотрудников музея музейные вещи в качестве мебели. Один из немецких офицеров пытался втащить в комнату диван, на котором родился Толстой. Когда сотрудница музея сказала немецкому варвару, что этот диван принадлежит Толстому, обнаглевший насилиник цинично заметил: «Надо прежде позаботиться о живых, а потом о мертвых».

В Ясной Поляне была расположена часть полка эсэсовцев «Великая Германия», состоявшая из отборных гитле-

ровских молодчиков, из тех, по поводу которых поэт Маршак писал:

Из такого молодца
можно сделать подлеца.

Надменные офицеры издевались над всем русским. Один из фашистских офицеров, указывая пальцем на грудного ребенка, лежавшего на руках у советской учительницы, сказал другому офицеру: «Этот уж безусловно не будет говорить ни слова по-русски». А второй фашист добавил: «Ну да, разве только старые люди будут помнить отдельные русские слова. Все будут говорить по-немецки».

Так фашистские оккупанты проводили в жизнь программу людоеда Гитлера по онемечиванию временно захваченных районов.

Фашисты уничтожали все, что связано с именем великого писателя. Они разворовали картины, висевшие в музее Толстого, они вытащили из кучи, куда сами же свалили, рисунки внука Толстого и на обратной стороне рисовали фашистскую свастику или порнографические сценки и развесивали потом на стенах. Они сожгли школу имени Толстого—великолепное здание, прекрасно оборудованное: одних микроскопов в школе было больше полсотни. Фашистские вандалы-грабители сожгли дотла общежитие учителей, предварительно выгнав учителей на улицу. Когда учителя попросили разрешения взять с собой вещи, немецкие офицеры приказали им притти завтра. Явившись на следующий день, педагоги уже не нашли своих вещей. Фашисты превратили больницу имени Толстого в конюшню, а амбулаторию сожгли так же, как и общежитие для медперсонала и домик для врачей. Фашистские осквернители сломали изгородь, изрубили садовые скамейки, мебель, среди которой были вещи, сделанные лично Толстым.

Но самое большое надругательство было произведено над могилой великого писателя. Могила находится почти в километре от музея. Дорога туда идет через парк. Когда начался снегопад, она покрылась снегом. Носить по этой дороге покойников представляло известную трудность. На площадке, где расположена могила Льва Николаевича, много вековых деревьев, корни которых густо переплетаются между собой. Копать землю было трудно. Кругом десятки открытых полян, вполне достаточных для 7500 могил, а не только для 75. И тем не менее немецкие

фашисты предпочли каждый день плестись километр взад и вперед, предпочли рыть могилы в неудобном месте, чтобы рядом с могилой классика русской и мировой литературы похоронить своих солдат. Все было сделано для того, чтобы оскорбить национальное достоинство русского народа, оскорбить культурную святыню советских народов.

Этим надругательство над памятью Толстого не кончилось. Уходя, фашисты подожгли и самый дом. 14 декабря немцы поспешно отступили под ударами героических бойцов Красной Армии. Фашистские части на станции Ясная Поляна были окружены, а отряд, стоявший в музее-усадьбе, боясь окружения, бежал. Но с дороги, — и это подчеркивает продуманность совершенного преступления, — три офицера вернулись на машине, вбежали в музей, наскоро набросали сена, соломы, дров в спальне Толстого в том месте, где стояла кровать писателя, в комнате Софьи Андреевны Толстой и в библиотеке и подожгли. Когда из окон дома повалил дым, сотрудники кинулись было тушить пожар, но немецкие офицеры закричали им, что дом минирован. Убедившись, что пожар уже охватил пол, потолок и двери здания, немецкие преступники вскочили на машину и умчались. Сотрудники приступили к тушению пожара. Но оказалось, что немцы предварительно испортили огнетушители, уничтожили пожарные принадлежности. Сотрудники, рискуя жизнью, проникли в дом и увидели, что пожар можно еще ликвидировать. С большим трудом разыскали два ведра, но не оказалось воды. Случайно вода нашлась в старом заброшенном колодце, о наличии которого немцы не знали. После четырех часов тяжелой борьбы с огнем самоотверженным сотрудникам удалось, наконец, ликвидировать пожар и спасти дом Толстого от полного уничтожения.

Разгром Ясной Поляны особенно отчетливо показал всему миру лицо фашизма, звериный облик обреченных на гибель.

В январе 1919 г. части 2-й Украинской повстанческой дивизии, разгромив немецко-петлюровские банды, ворвались в Полтаву. Взбешенные неудачей, петлюровские погромщики решили выместить свою досаду на мирном населении. Они кинулись грабить склады, стали шарить по частным квартирам. Красная Армия приняла меры против погромщиков. Армия тогда только-только создавалась.

Красноармейцы были голодны, разуты, у них нехватало боевых припасов. Но первый же параграф приказа по дивизии гласил: «Поставить взвод красноармейцев на охрану у дверей дома писателя Владимира Галактионовича Короленко».

В этом акте сказался весь облик Красной Армии — армии освободительницы, защитницы и носительницы культуры. Такой она вошла в историю.

Когда много лет спустя об этом было рассказано великому пролетарскому писателю Горькому, Алексей Максимович сказал: «Хозяева пришли. Пришли люди, которые верят, что будущее принадлежит им».

Подло, вероломно напав на Советский Союз, гитлеровцы в числе других инструкций имели одну, требовавшую: удушить всякое сопротивление в тылу. Среди командиров Гитлера немало таких офицеров, которые побывали на Украине в 1918 г., которые помнят, что такое гнев народа. Они обрушились на мирное население, уничтожая не только тех, кто может выступить против них, но и детей, женщин, стариков. Если бы Алексей Максимович Горький, погибший от рук гитлеровских агентов, мог наблюдать сейчас поведение гитлеровцев, он сказал бы: уходят из жизни; они обречены на гибель и вместе с собой стараются уничтожить все.

Все передовое человечество с гневом узнало о чудовищном надругательстве гитлеровских вандалов-громил над памятником великого писателя. Все с новым чувством стали перечитывать бессмертные произведения Льва Толстого, и по-новому предстали волнующие образы и картины романа «Война и мир». Американский журнал «Нью-Йоркер» писал:

«Гитлер заставил многих людей перечитать роман «Война и мир», а также признать, что Толстой является автором прекрасного описания русской кампании Гитлера».

15 декабря в девять часов утра в Ясной Поляне появились первые красные разведчики. Они с боями догоняли немцев и, узнав, что в двух километрах находится музей-усадьба Толстого, свернули с шоссе и попросили сотрудников музея показать им музей. «Увы, мы можем показать вам только то, что осталось от музея», — заявили сотрудники и показали бойцам результаты фашистского варварства. Красноармейцы были возмущены. Они оставили следующую запись в книге: «Дом-музей великого писателя

посетили после изгнания фашистов. Возмущены до глубины души. Этого им не простим. Уничтожим всех до единого. Группа командиров Красной Армии».

А сбоку десятка подписей немцев красные бойцы приписали: «Жаль, что часть этой сволочи пока что унесла ноги».

Нет, не унесла и не унесет. Героическая Красная Армия не даст фашистам закрепиться, раздавит сопротивление, истребит их и освободит временно оккупированные территории. Освобождена уже Ясная Поляна. Советский народ восстановил сейчас, во время боев, разрушения, нанесенные фашистами Ясной Поляне. Красная Армия выполнит задачу, поставленную перед ней советским правительством и советским народом, выраженную в следующих словах ноты т. Молотова:

«Советское правительство и его агенты ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия».

ПРОКЛЯТЬЕ И МЕСТЬ ФАШИСТСКИМ ВАРВАРАМ

Передовая статья газеты «Правда» от 21 декабря 1941 г. № 353

В Ясной Поляне немецко-фашистские захватчики учинили омерзительное, кощунственное надругательство над одним из величайших культурных памятников русского народа — над домом, где жил и работал Лев Николаевич Толстой. Свято оберегая память великого писателя, дорогую нашей стране и всему культурному человечеству, советское правительство превратило Яснополянскую знаменитую усадьбу в государственный, национальный музей. Сотни тысяч человек совершили туда паломничество, знакомясь с той обстановкой, в которой сотворена была «Илиада» русского народа — «Война и мир».

Захватив на время Ясную Поляну, немцы превратили русский национальный музей в казарму для солдат и офицеров. Вшивый немецкий сброд загадил все комнаты дома, топил печи музейной мебелью, покрыл стены порнографическими рисунками, расхитил картины и другие музеиные ценности, обратил в хлев комнату, в которой жил Толстой, вырубил деревья в знаменитой толстовской роще и осквернил могилу Толстого, похоронив рядом с ней фашистскую падаль — своих солдат.

Это надругательство над культурным памятником, дорогим русскому народу, не случайно. Его нельзя приписать невежеству или злому умыслу отдельных лиц. Захватив на время Клин, немцы точно так же, с тем же нарочитым кощунством надругались над домом-музеем Чайковского, великого русского композитора. В Тихвине немцы разгромили музей знаменитого русского композитора Римского-Корсакова, родившегося в этом городе.

В старинном русском городе, который можно назвать городом-музеем, в Новгороде, немцы сожгли и уничтожи-

ли древние русские соборы и церкви, являющиеся замечательными образцами древнего русского искусства — зодчества и живописи.

Так всюду, где проходят немцы по нашей стране, за ними стелется зловонный дым пожарищ, в которых гибнут культурные сокровища. Они ломают с особым ожесточением, разрушают, оскверняют все, на чем лежит печать национальной культуры. Они разрушили памятник Мицкевича во Львове. Они цинически надругались над могилой Шевченко в Каневе.

Немецкие офицеры слышали о Толстом и о Чайковском. Среди тех бандитов в офицерских мундирах, которые разрушали Ясную Поляну, был и известный генерал Гудериан. Нельзя говорить только о невежестве этих мерзавцев. Тут сознательная политика разрушения русской культуры. Тут ненависть немецких погромщиков к русскому народу, к русской интеллигенции. Гитлер и его банда поставили своей задачей прекратить культурное развитие русского народа, как и других советских народов, как и всех славянских народов. В разрушении дома-музея Толстого, в разрушении дома-музея Чайковского, в разрушении памятника Мицкевича, памятника Шевченко выразилось существо германского фашизма. Он несет с собой порабощение народов, уничтожение национальной культуры этих народов.

Гитлер и его банда питают ненависть к Толстому, к Чайковскому, ко всей русской литературе, ко всему русскому искусству, потому что гениальные писатели и композиторы русского народа свидетельствуют о высокой культуре и о талантливости народа, потому что произведениями своих великих людей русский народ безмерно обогатил мировую культуру. Но именно мировую культуру, созданную тысячелетиями, и хотят уничтожить фашистские погромщики. Этой культуре они противопоставляют свою звериную натуру каннибалов, людоедов.

Фашистские погромы культуры входят составной частью в общую разбойничью программу Гитлера и его банды. Они неотъемлемы от разбойничего гитлеровского империализма, который является вызовом всему культурному человечеству. Те, кто кощунственно глумится над народными святынями, отвергают и все нормы международных отношений, все договоры и конвенции, имеющие своей целью охранить в войне слабых, больных, раненых, мир-

ных жителей, женщин и детей. Погромщики — они же плачи. Они же мародеры и насильники. Те, кто громил дом-музей Толстого, повесили колхозников, учеников Толстого. Они же изнасиловали женщин в Ясной Поляне. Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием советских женщин, потому что понятия женской чести и человеческого достоинства так же чужды и враждебны Гитлеру и его банде, как чужды и враждебны понятия культуры.

Полторы тысячи лет назад предки нынешних немцев варварски разрушили Рим. Они уничтожали, жгли, ломали классические памятники искусства, рвали на мелкие части ценные рукописи. Они нанесли огромный, непоправимый ущерб мировой культуре. Под именем вандалов эти древние германцы вошли в мировую историю, и слово «вандализм» осталось навсегда памятником дикого, бесмысленного разрушения культуры.

Но нельзя этих первобытных дикарей сравнивать с их потомками. Во главе немецкого народа стоят люди, одичавшие на улицах больших капиталистических городов, подонки цивилизации, бандиты, гангстеры, сутенеры. Нет ничего опаснее, чем бандит, получивший государственную власть. Таков Адольф Гитлер, такова его банда.

Фашистский погром культуры в нашей стране лишний раз показывает, какую огромную международную опасность представляет гитлеровский разбойничий империализм. Гитлеризм должен быть истреблен с корнем, коричневая чума должна быть уничтожена, как всякая чума. Пусть немецкий народ знает, что сообщения о погромах музеев, памятников русской, советской культуры отдаются глубокой болью в душе каждого советского человека, что надругательство над памятью Толстого, Чайковского, святынями Новгорода, над могилой Шевченко — это оскорблении самых святых чувств советского человека, и никогда этого советский народ не забудет, никогда этого не простит.

В нашей стране партией Ленина — Сталина, советским правительством воспитывается глубокое уважение к культуре, к драгоценному культурному наследию русского и других народов. Имена Толстого и Чайковского дороги каждому советскому человеку, как и каждому культурному человеку во всем мире. И мстить за память наших великих людей мы будем так же, как мстим за наших

сыновей, братьев, отцов, замученных фашистами, за наших сестер и дочерей, поруганных фашистскими скотами.

В каждом фашисте, в каждом солдате немецко-фашистской армии, в каждом офицере и генерале гитлеровской банды наш боец видит осквернителя наших культурных святынь. Смерть осквернителям нашей культуры! Уничтожать фашистских гадин без пощады!

Т О Л С Т О Й
и
Я С Н А Я
П О Л Я Н А

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Толстой.

Е. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Исторический очерк

деревня Ясная Поляна Тульской губернии Крапивенского уезда, которая теперь, в 1879 году, принадлежит мне и 290 душам временно обязанных крестьян, 170 лет тому назад, т. е. в 1709 году, в самое бурное время царствования Петра I-го, мало в чем была похожа на теперешнюю Ясную Поляну. Только бугры, лощины остались на старых местах, а то все переменилось. Да-

же и две речки — Ясенка и Воронка, которые протекают по земле Ясной Поляны, и те переменились — где переменили течение, где обмелели, а где выбили бушилы, где было мелко, и везде обеднели водой. Где были леса, стали поля, где было не пахано, все теперь разодрано, давно выпахано и опять заброшено. Заповедная казенная засека, которая на полкруга окружает землю Ясной Поляны, теперь вся порублена. Осталось мелколесье там, где были нетронутые засечные леса, только заруба вилась по краям, чтобы не давать ходу татарам. Где теперь три дороги перерезают землю Ясной Поляны, одна старая, обрезанная на 30 сажен и усаженная ветлами по плану Аракчеева, другая — Каменная, построенная прямее на

моей памяти, 3-я — железная Московско-Курская, от которой не переставая почти доносятся до меня свистки, шум колес и вонючий дым каменного угля,—там прежде, за 170 лет, была только одна Киевская дорога и та не деланная, а проезжанная и, смотря по времени года, переменявшаяся, особенно по засеке, которая не была еще прорублена, по которой прокладывали дорогу, то в одном, то в другом месте.—Народ переменился еще больше, чем произрастания земли, воды и дороги. Теперь я один помещик, у меня каменные дома, пруды, сады; деревня, в которой считается 290 душ мужчин и женщин, вся вытянута в одну слободу по большой, Киевской дороге. Тогда в той же деревне было 137 душ, пять помещиков и у двух помещиков свои дворы были (не лучшие теперешнего хорошего мужицкого) и стояли дворы эти в середине своих мужиков, и деревня была не на том месте, где теперь (барский двор был пустырь, а где теперь деревня, было поле), а крестьянские и помещичьи дворы как расселились, кто где сел, так и сидели на том месте над прудом (под лесом, где стоят старые две сосны), которое теперь называется селищами и на котором с тех пор, как я себя помню, 40 лет сеют без навоза и где на моей памяти находили в земле кубышки с мелкими серебряными деньгами... тогда избы были маленькие, 6, 7 аршин с сенцами и клетью, все топились по черному, а семьи были большие, по 20 и больше душ в одном дворе... Теперь мужики ходят в сапогах, картузах, и бабы в ситцах и плисах, тогда кроме самодельных рубах, кафтанов и шуб других не знали. Мужики носили летом только шляпы черепениками, а зимой треухи и малахи. Шубы шили без сборок, а с двумя костышками на спине. (лыко свое не переводилось), онучи были черные, лапти липовые. Бабы носили кики деревянные с назатыльниками и с бисерными подвесками. Вместо серег носили пушки гусиные, занавески и рубахи шитые шерстями на плечах.—...Тогда заработка за деньги нигде никаких не было. Все занимались землею, лесом в засеке, и только и деньги бывали, когда продаст мужик на базаре в Туле овцу, корову, лошадь, хлеба или меду, у кого были пчелы. И у кого деньги были рублей 50, тот считался богачом и зарывал деньги в землю. Теперь в Казенной засеке разделены леса по участкам, просеки поделаны и караул строгий, так что не только лесом, но и за орехи и за грибы

баб ловят и штрафы с них берут, а прежде подзасечные и помещики и мужики в Казенный лес как в свой ездили за лесом. Каравул был малый и за штоф водки любых дерев нарубить можно было. Теперь хлеб не родится и по навозу, а для скотины корму в полях уж мало стало, и скотину стали переводить, много полей побросали и народ стал расходиться по городам в извозчики и мастеровые, а тогда, где ни бросясь, без навоза роживался хлеб, особенно по расчищенным из-под лесу местам, и у мужиков и у помещиков хлеба много было. Кормов для скотины было столько, что, хоть и по многу и мужики и помещики держали скотины, кормов никогда не выбивали. —

(Мужики все были господские). В то время во всей России вольных не было... И в Ясной Поляне мужики все были господские. Помещиков в Ясной Поляне тогда, в 1708 году, было 5...»

Этим описанием в одном из черновых вариантов начинает Толстой свой неоконченный роман из эпохи Петра I.

Толстой любил свою Ясную Поляну, интересовался ее историческим прошлым. История же теперешней Тульской области действительно героична и величественна. Ее роль в защите русского государства в течение всего его существования привлекала Толстого художника и патриота. По Тульской области через Козлову засеку проходили с юга на север славянские племена, теснимые татарами; Тульская область защищала Москву от набегов диких орд крымских татар; в Тульской области поселены были первые пограничники — служилые люди, на которых лежала обязанность охранять эту границу русского государства; в Тульской же области на Куликовом поле произошло великое сражение с татарами, которое подорвало их господство над Русью.

Богатая природа этой местности привлекла к себе густое население, которое жило в многочисленных селах и городах. В записках иностранных путешественников, посещавших русское государство в XV и XVI веках, говорится, что земли теперешней Тульской области являются самыми заселенными, и притом заселенными «племенем весьма отважным и воинственным». Разбросанные повсеместно курганы, селища и городища указывают на правильность этого сообщения иностранцев. Прежние городища — это места древних укреплений, которые были совершенно необходимы в этом крае.

Значительная часть теперешней Тульской области, — уезды Веневский, Тульский, Епифанский, Ефремовский и Богородицкий — входила в состав княжества Рязанского, которое вследствие своего географического и исторического положения подвергалось постоянным набегам воинственных соседей. Населению этих местностей приходилось с оружием в руках отстаивать свое имущество и свою независимость. Эта непрестанная борьба развивала в населении воинственный дух и мужество.

Соседние князья, муромские и суздальские, часто с ожесточением разоряли княжество Рязанское. Жителям приходилось спасаться; они уходили в окружавшие их дремучие леса или же за городские стены.

Но были страшнее враги — хищные степные кочевники: печенеги, половцы и, наконец, татары. Как ураган налетали дикие полчища на мирных жителей. Грабили деревни и города, жгли их, угоняли скот, мучили и убивали людей, уводили их в полон, клеймили и продавали в рабство. Не раз русские князья высыпали войска против захватчиков, но численно преобладавшие вооруженные орды татар гнали и разбивали русские дружины. Наконец, в 1380 году князь Дмитрий, прозванный Донским, дал отпор татарам.

Набеги татар не прекратились, однако, и после разгрома их на Куликовом поле. Особенно страдали Московское и Рязанское княжества от нападения крымских татар. Татары приходили на Русь каждый раз одними и теми же дорогами — шляхами. Главный шлях назывался Моравский (Муравский). Он шел от самого Перекопа до Тулы, не пересекая на всем своем протяжении ни одной большой реки. Это было удобно для татар, избегавших переходов через реки. Если же на пути татар встречались маленькие речушки, кочевники искали брода и запоминали эти места для следующих походов. Такие места назывались «перелазами». Этих перелазов было очень много. Около Тулы два: через реку Упу переправлялись татары у Костомарова брода, в 20 верстах от Тулы, против Дедилова, и через речку Шать был перелаз, в 8 верстах от Тулы. Далее уже через Щегловы ворота-засеки татары пробирались к Москве. В тех местах, где были перелазы, хорошо известные русским, устраивались различные заграждения, вбивались сваи, дубовые колья. Для охраны перелазов и наблюдения за ни-

ми устроены были сторожи, караульные башни. Иногда даже строились города и крепости. В XVI веке по всей степной полосе вытянулась длинная цепь городов. Тула была среди них. Она была окружена каменными стенами, тогда как остальные города обнесены были или частоколом, или земляным валом. Кроме городов, препятствием для нападения татар служили «крепости великие», как их называли древнерусские памятники, — это леса и болота. Для затруднения продвижения кочевников через леса русские устраивали «засеки». Они состояли из срубленных и наваленных в кучу деревьев. Высота засеки достигала от 9 до 30 сажен. Понятно, что кочевникам на конях невозможно было перейти такую преграду. Им приходилось спешиваться и разбирать кучи, а в это время русские отряды нападали и избивали их. Но чтобы эти кучи нельзя было разобрать, деревья не срубали, а засекали и наклоняли макушками на юг, не отрубая их от корня. Засеки с незапамятных времен служили защитой в местах, богатых лесом. Часто они устраивались на скорую руку для местной обороны. Но иногда в древней Руси засеки превращались в оборонительную систему, которая сохранилась десятилетиями и даже столетиями. Оборонительные леса тянулись непрерывно с южной части государства по Тамбовской, Тульской, Рязанской и Калужской губерниям. Леса в засеке считались заповедными. Ширина засеки доходила от 5 до 50 километров. В состав южной оборонительной линии входила и Козлова засека (место, где находится железнодорожная станция Козлова Засека, теперь Ясная Поляна). Козлова засека располагалась между двумя полянами — Малиновой на юге и Ясной на севере. Долговечные засеки состояли не из одних засеченных деревьев; в них лесные завалы только восполняли и смыкали естественные препятствия местности — реки, болота, овраги. Иногда лесные завалы заменялись частоколами, надолбами, земляными валами, рвами. Такие рвы находились около Ясной Поляны. Одна из ближайших к Ясной Поляне деревень называлась Рвы (в настоящее время эта деревня сожжена фашистами). Сооружение этой засечной черты Московского государства закончилось в 60-х годах XVI века.

На население деревень и селений, отстоявших от засеки не далее как на 25 верст, были возложены обязанности сохранять нерушимой границу засек, а также оборо-

нять засеки во время набегов. Для этого назначалось в этих селениях особое ополчение, состоявшее из известного количества ратников, так называемых «подымовых людей», в полном вооружении. Население чувствовало себя всегда настороже, привыкало к боевым действиям. В некоторых местах для проезда оставлялись укрепленные ворота, где поселялись особые вооруженные люди. Такие ворота находились на поле между Козловой засекой и Щегловой. Эти ворота назывались Малиновыми и находились на месте будущей усадьбы Ясная Поляна. На новом шоссе, около деревни Новое Басово, также уничтоженной германскими полчищами, до сих пор можно видеть остатки земляных укреплений. Это почти целое поле, огороженное рядом земляных валов и рвов, которое раньше называлось Завитай. От него в две стороны шли леса — Козлова Засека и за Тулой — Щеглова Засека.

Когда надобность в защите от татар миновала, засеки были обращены в казенные леса. Сохранилось 35 тысяч десятин этого заповедного леса вокруг Ясной Поляны.

Еще во времена детства и молодости Толстого Засека представляла девственный лес. Полновластными хозяевами здесь были многовековые дубы. Где вырубали дубы, вырастала береза, ясень, клен, липа и осина. В лесу водилось множество пушного зверя: волки, зайцы, лисицы, и птицы: тетерева, вальдшнепы. До сих пор в Засеке водятся лоси.

Засека с ее малоожженными дорогами, густыми чащами и глубокими оврагами была любимым местом охоты, а потом прогулок Толстого. Он совершил туда прогулки и пешком и верхом на лошади. Засека привлекала Толстого своей дикостью, безлюдьем. Здесь перед художником раскрывались чудесные тайны, полнота и богатство жизни живой природы. Там, вдали от людей, во время своих одиноких прогулок он обдумывал свои произведения. Когда Толстой был здоров, он почти не пропускал дня без прогулки в Засеку и каждый раз старался отыскать все новые и новые места.

Три исторические дороги с самых древних времен шли на Тулу и на Москву: Киевская — из Мценска, Дедиловская — из Ельца, с прилегающим к ней Муравским шляхом, и Чулковская — из старой Рязани. При Петре I главный тракт был московско-воронежский — на Азов; он шел из Тулы на Дедилово, Богородицк, Ефремов и Елец. С 1696

по 1708 год Петр I часто проезжал по нему в Воронеж, когда строил для Азовских походов суда. По этому же тракту ехали на юг послы Русского государства в Персию и Турцию, проезжала Екатерина II. В 1502 году Иоанн III положил начало почты; он учредил по дороге «ямы» — станции для проезда гонцов из Москвы и обратно. Пролегающих по Тульской губернии почтовых трактов было семь, а именно: в Москву, в Рязань, в Тамбов, в Воронеж, в Калугу и два в Орел.

Толстой очень любил совершать прогулки на Киевское шоссе, которое он называл «Невским проспектом». Там он беседовал с людьми, шедшими и ехавшими со всех сторон России, особенно с севера на юг. Здесь проходили на работы сезонные рабочие на Украину, в Донбасс, богомольцы в Киев и Оптину пустынь. Эти прогулки по шоссе открывали Толстому богатства русского народного языка с бесчисленными его наречиями, там слышал он легенды и рассказы, которые впоследствии переплавлял в художественные произведения.

Толстой так же часто бывал в Туле, иногда хаживал туда пешком по шоссе. Сюда привлекали его многочисленные дела. Он посещал тульские тюрьмы, оружейный завод, судебные процессы, бывал на репетициях своей пьесы «Плоды просвещения», впервые поставленной в Туле, а главное, много и часто бывал ходатаем по делам крестьян, защищая их перед начальством.

Город Тула, окруженный засеками: с востока — Щегловой, с запада — Завитаем, Малиновой и с юга — Карницкой и укрепленный каменными и деревянными стенами, представлял как бы центр или главные ворота всей тульской засечной черты, прикрывавшей подступы к Москве.

Положение Тулы как пограничной крепости Московского государства содействовало тому, что в Тульской области издавна развивалось оружейное дело. Тульская область богата неглубоко лежащей, а вследствие этого и легко добываемой железной рудой. Еще в XVI веке крестьяне Тульского уезда добывали руду, в домodelльных печах перерабатывали ее в железо, а это железо продавали тульским кузнецам, которые выделывали из него всякое холодное оружие: ножи, топоры, а иногда случалось и огнестрельное. С XVI века кузнецы жили в особой слободе и платили в казну оброк. Оружейники при каждом нападении на Московское государство оказывали

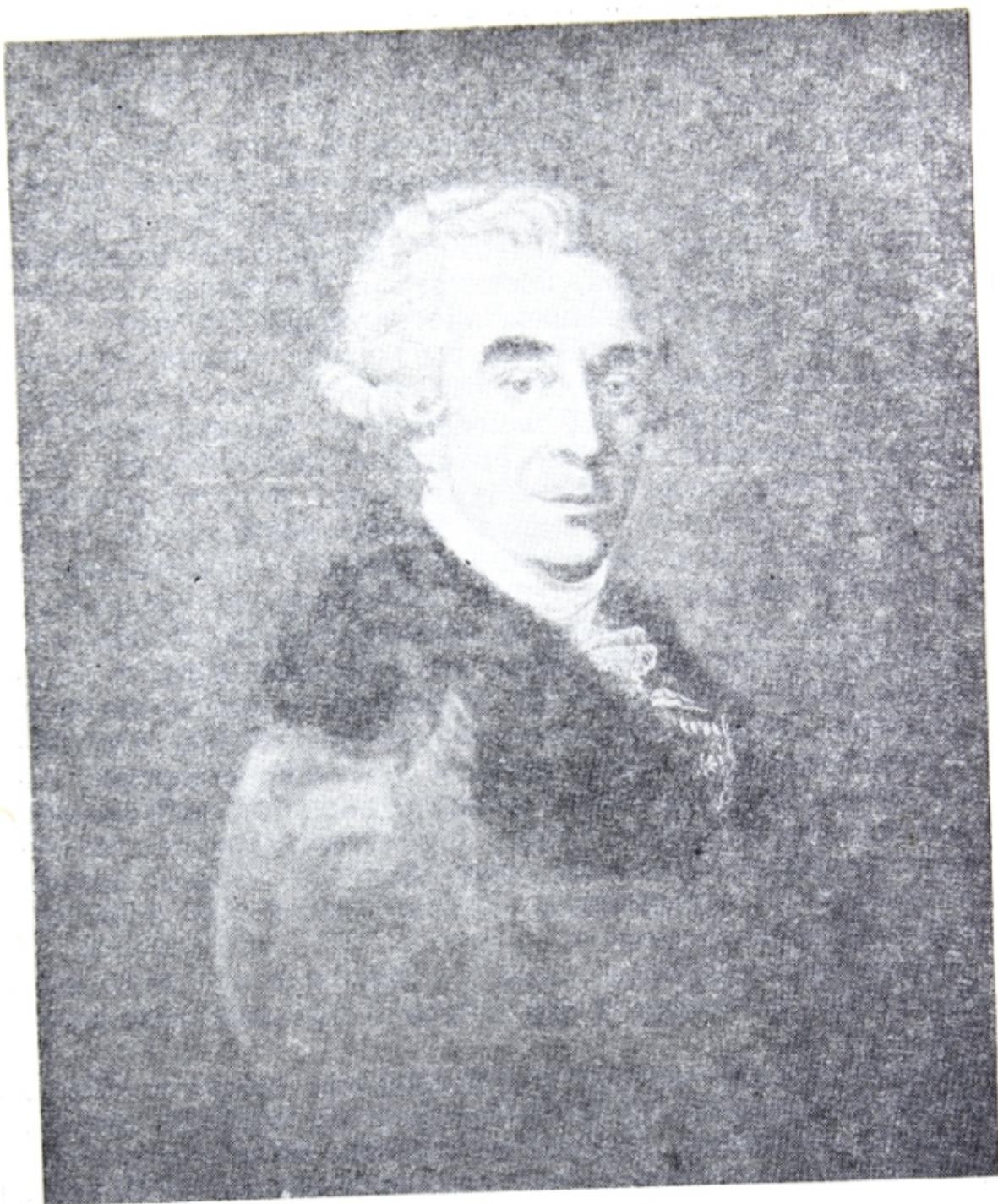
ему большую помощь. Москва особенно заботилась о тульских кузнецах во время войн со Швецией и Польшей и всячески старалась взять их на учет и заставить работать только на казну, но в свою очередь давала им некоторые льготы. Потребность в оружии все увеличивалась. Частные, хотя и очень крупные оружейники, не могли развить производство в достаточной степени, и в 1712—1714 годах был построен Тульский оружейный завод. Петр I всемерно заботился об увеличении числа тульских оружейников, набирая кузнецов из других губерний и переселяя их в Тулу.

Во время первой Отечественной войны 1812 года помощь тульских оружейников была особенно велика. Объятые патриотическим чувством, оружейники работали день и ночь над изготовлением нового огнестрельного оружия и над починкой старого. За три года оружейники приготовили более полумиллиона ружей. Наполеон хорошо понимал значение Тульского оружейного завода и после взятия Москвы намеревался идти на Тулу.

В 1919 году, в годы гражданской войны, войска белых под предводительством Деникина двигались на Тулу со стороны Орла. В этот ответственный для страны момент Тула вновь была готова стать оборонительным рубежом для Москвы. Вооружился тульский пролетариат, поднялись потомственные оружейники на защиту молодой советской власти. Вокруг Тулы выросли проволочные заграждения, окопы. Но Деникин до Тулы не был допущен Красной Армией.

В декабре 1941 года, во время напряженных боев за Тулу, в защите родного города участвовали рабочие батальоны, в которых дрались тульские оружейники. Продолжая великие героические традиции своих предков, туляки отстояли и сейчас свой древний воинственный город и преградили фашистским варварам путь к Москве.

Ясная Поляна расположена в 14 километрах к югу от Тулы. За время ее существования в Ясной Поляне переменилось много владельцев и, наконец, в 1763 году она была куплена у С. В. Поздеева прабабкой Толстого княгиней М. Д. Волконской, урожденной Чаадаевой. Князья Волконские — рюриковичи, происходят от князя Михаила Черниговского, который был в Золотой Орде замучен татарами. Князья Волконские владели поместьями в западной части Тульской губернии и не раз отражали набеги крым-

Н. С. Волконский, дед Толстого. Строитель Ясной Поляны.

ских татар. Представители рода князей Волконских и в дальнейшем участвовали в ряде войн.

Л. Н. Толстой очень любил своего деда Николая Сергеевича Волконского и даже восхищался им. В «Воспоминаниях детства» он называет его «умным, гордым и даровитым человеком». Толстой пишет: «Про деда я знаю то,

что, достигнув высоких чинов генерала-аншефа при Екатерине II, он вдруг потерял свое положение вследствие отказа жениться на племяннице и любовнице Потемкина, Вареньке Энгельгард... Он не только остановился в своей служебной карьере, но был назначен воеводой в Архангельск, где пробыл, кажется, до воцарения Павла, когда вышел в отставку и, женившись на княжне Екатерине Дмитриевне Трубецкой, поселился в полученном от своего отца Сергея Федоровича имении Ясная Поляна.

Княгиня Екатерина Дмитриевна рано умерла, оставив моему деду единственную дочь Марию. С этой-то сильно любимой дочерью и ее компаньонкой француженкой и прожил мой дед до своей смерти около 1816 года. Дед мой считался очень строгим хозяином... Я часто расспрашивал про него... и... слышал только похвалы его уму, хозяйственности и заботе о крестьянах и в особенности огромной дворне моего деда. Он построил прекрасные помещения для дворовых и заботился о том, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одеты и веселились бы... Еще более он заботился о благосостоянии крестьян... и они благоденствовали тем более, что высокое положение деда, внушая уважение становым, исправникам и заседателю, избавляло их от притеснения начальства. Вероятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таков же разбитый им парк перед домом.

Вероятно, он также любил музыку, потому что только для себя и матери держал свой хороший небольшой оркестр».

Все главные постройки, которые мы видим в Ясной Поляне, построены Н. С. Волконским, и все они прочны, удобны и красивы. Издали, со станции железной дороги, виден длинный двухэтажный дом, архитектуры XVIII века. Этот дом первоначально предназначался для ткацкой фабрики и для размещения крепостной дворни. Позднее он использовался как помещение для служащих.

Как только Н. С. Волконский поселился в Ясной Поляне, он начал строиться. Усадьбу он разбил по своему собственному плану. Прежде всего были построены два совершенно одинаковых флигеля. В левом флигеле в 60-х годах Толстой устроил школу для крестьянских ребят Ясной Поляны. Позднее в нем жили приезжие гости

и родственники. По имени Татьяны Андреевны Кузминской, сестры С. А. Толстой, которая почти каждое лето проводила в Ясной Поляне, этот флигель назывался «домом Кузминских». В настоящее время это—Литературный музей, посвященный жизни и творчеству Толстого. Второй флигель — это дом, где жил почти 70 лет Толстой. Он сделал к флигелю две пристройки, и дом изменил свой первоначальный вид.

15 декабря 1941 года этот дом—великий памятник мирового значения — был подожжен фашистскими вандалами и спасен только благодаря исключительному мужеству и находчивости музейных работников Ясной Поляны.

В середине между флигелями Н. С. Волконский начал строить большой барский дом. Был уже выложен фундамент и кирпичный первый этаж, но смерть Н. С. Волконского прервала постройку дома. Остальные два этажа достроил уже из дерева отец Толстого Николай Ильич Толстой. Всего в доме было 42 комнаты.

28 августа 1828 года в старом доме родился Л. Н. Толстой. Этот дом в настоящее время не существует. В молодости Толстой продал его на своз помещику Горохову, который перевез его в село Долгое, Крапивенского уезда. На месте старого дома Толстой посадил липы, дубы, ясень и другие деревья. Сын Толстого Илья Львович пишет в своих воспоминаниях: «Когда кто-нибудь спрашивал отца, где он родился, он показывал на старую лиственницу, растущую на месте старого фундамента: «Вот там, где теперь макушка этой лиственницы, была маменькина комната, там я и родился на кожаном диване», — говорил он».

При въезде в усадьбу князь Волконский поставил две белые каменные башни, находящиеся там до настоящего времени. Между ними помещались железные ворота. В этих башенках стояла стража, охранявшая усадьбу. За башнями в гору поднималась широкая дорога, первоначально обсаженная березами, так называемый «прешпект». Перед домом был луг, отец Толстого посадил там яблоневый сад. Направо от «прешпекта» Н. С. Волконский разбил парк, заканчивавшийся липовыми аллеями («Клины»). Внизу были выкопаны два пруда: «большой» и «нижний», и в парке «верхний» и «средний».

Когда Н. С. Волконский умер, владелицей усадьбы осталась его дочь, Мария Николаевна Волконская, мать

Толстого. Она вышла замуж за Николая Ильича Толстого, отца Толстого. Ясная Поляна перешла в род Толстых.

В 1847 году 11 апреля дети Николая Ильича и Марии Николаевны Толстых: Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и сестра Мария произвели раздел движимого и недвижимого имущества. По этому разделу Толстому досталось сельцо Ясная Поляна, бывшего Крапивенского уезда, с 233 крепостными и деревни Ясеньки, Ягодная, Пустошь, Мостовая и Малая Воротынка бывшего Богородицкого уезда.

Такова краткая история Ясной Поляны, неразрывно связанной с жизнью и творчеством гения русской и мировой культуры — Льва Николаевича Толстого.
